

МЕТОДОЛОГІЧНІ СТУДІЇ

Олег ЛЕЩАК

© 2004

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ
ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: ПОНЯТИЯ ЗНАЧИМОСТИ И ЦЕННОСТИ**

Одним из ключевых аспектов каждой научно-философской концепции является эпистемологическая позиция познающего лица, предполагающая выдвижение в центр исследования некоего базового объяснительного принципа для всего познавательного процесса, предпринимаемого в рамках данной концепции. Таким объяснительным принципом в функциональном прагматизме является феномен значимости (релевантности).

В онтологическом плане функциональный прагматизм исходит из примата целого над частью, множества над единицей и отношения над элементом. Центральным онтологическим понятием здесь является понятие функции как взаимодействующего отношения, реализующегося в пределах целостного жизненного опыта человека в формах самых различных типов деятельности. Этой методологии свойственен дедуктивный способ построения теории, при котором частное и элементарное выделяется лишь условно и лишь в итоге поиска частных функций в функциях синкретических, системных и синтетических.

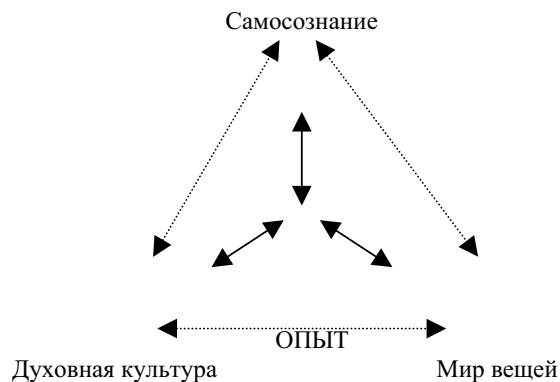
Присутствие или отсутствие в опыте той или иной функции, того или иного объекта или действия, наличие или отсутствие у них того или иного свойства или признака может способствовать или препятствовать реализации целей данного опыта, но может и не иметь к их реализации никакого отношения. Если наличие или отсутствие перечисленных явлений как-то воздействует на осуществление некоторой цели (например, помогает ее реализации или мешает ей), оно становится значимым для этой цели, если же реализация цели никак не зависит от наличия или отсутствия этого феномена – он незначим. Соответственно значимые наличия или отсутствия могут вступать в отношения друг с другом, становясь более или менее значимыми. Значимость – качественное понятие, его следует объяснять, но невозможно ни описать, ни измерить. Большая или меньшая значимость проявляются только в релевантных ситуациях на контрасте и только во взаимных отношениях. В рядовой ситуации (контексте) их не отличить.

В разных типах деятельности релевантность проявляется в стремлении к реализации главной цели ценой полного или частичного отказа от побочных, выполняющих вспомогательную или вторичную функцию: в предметно-бытовой деятельности – отказа от интеллектуальных или морально-этических целей ради удовлетворения экзистенциальных потребностей, в религиозной – отказа от познавательных, эстетических или утилитарных целей ради морально-этической и эзотерической персуазии, в политике – отказа от смысла, правдивости, эстетичности, витальности, корысти ради убеждения и управления общественными эмоциями, настроениями и поведением. Релевантная для того или иного типа деятельности цель – это всегда предмет особой заботы, это всегда либо то, чего недостает, либо то, что может быть легко утрачено: жизнь, здоровье, энер-

гия, эмоциональный комфорт, удовольствие, материальные блага, общественное благополучие, справедливость, истина, красота, смысл жизни.

Данный принцип получил в методологии название прагматического. Прагматическая эпистемологическая концепция рассматривает каждую функцию опыта не в категориях истинности или ложности, а с точки зрения ее полезности или вредности для достижения каких-то целей. Одна и та же частная функция, рассматриваемая в пределах действия целевых установок более общей функции, может быть оценена по-разному: как истинная или ложная, нравственная и безнравственная, выгодная и убыточная, прекрасная и безобразная, созидаящая или разрушительная, наконец осмысленная или бессмысленная.

Прагматическая концепция истины иногда смешивается с абсолютным релятивизмом, скептицизмом, а то и агностицизмом. Это недоразумение. Ни Кант, ни Джемс никогда не говорили ни о бесплодности наших познавательных стараний, ни об изначальной ложности их результатов. Всякое апофатическое утверждение принципиально ничем не отличается от аподиктических заявлений о Правде и методах ее открытия или доказательства. Прагматическая концепция познания выходит за пределы этой парадигмы, поскольку ничего не утверждает об объекте, взятом самом по себе. Единственная аксиома, которую отстаивает прагматизм – это формула функциональной зависимости познавательных утверждений от соотношения данных чувственного и трансцендентального опыта. Иными словами, все наши познавательные утверждения (назовем их правдами) – это всего лишь некоторые соответствия результатов предметно-мыслительной и коммуникативно-мыслительной деятельности. Выстраивается, таким образом эпистемологическая цепочка взаимозависимостей и взаимодействий: внешний чувственный опыт – внутренний чувственный опыт (апперцепция) – рассудочная рефлексия (антиципация) – трансцендентальная (разумная) рефлексия. У Джемса эта же схема представлена в виде взаимозависимости чистого опыта и понятийного мышления. Еще раз подчеркну, что ни одна из данных познавательных деятельностей не является отражением или конструированием правды. Это опытное взаимодействие в треугольнике:

Заметьте сходство данного треугольника с классическим семиотическим треугольником Огдена-Ричардса. Различие лишь в том, что все три ключевые сущности связаны между собой лишь опосредованно через конкретный человеческий опыт. Кант неоднократно подчеркивал, что внешний чувственный опыт никогда не сливается с миром как он есть сам по себе (не идентифицирует внутреннего опыта и имманентных свойств реалити, независимо от того, что называть этим выражением). Точно так же чистый трансцендентальный опыт никогда не сливается с трансцендентными сущностями (что бы не называть этим выражением). Идентично авторефлексивный опыт в любом своем проявлении (рациональном, эмоциональном или интуитивном) никогда не слива-

ется с сущностным Я человека или его самосознанием (что бы не называть этим выражением). Этим объясняется то, что ни у Канта, ни у Джемса (как основателей функционального прагматизма) не найдем каких-то обширных рассуждений на тему этих трансцендентных сущностей или явлений. Все они выходят за пределы возможного опыта и представлены в нем лишь в виде опытных функций – представлений о предметном мире, о духовном мире и о себе самом (знаний, понятий, суждений, ощущений, восприятий, эмоций, чувств, навыков, умений etc.).

Идея двусторонности (генетической двунаправленности) опыта, по моему мнению, восходит также к языковой метафоре, а именно метафоре дуализма значения и формы знака. Традиционно полагают, что билатеральную концепцию знака ввел Соссюр. Но Соссюр лишь научно эксплицировал бытовое понимание дуализма значения и формы выражения. Идея о двойственности знака парадоксально согласуется с дуалистической концепцией опыта, предложенной Кантом. Парадокс состоит в том, что традиционно значение воспринимается как внутреннее, а форма – как внешнее. Но это лишь в ноуменалистических концепциях. Не будем забывать, что и значение, и форма – это лишь функции, причем информационные, а не энергетические функции. В функциональном прагматизме следует различать два способа понимания этого отношения: генетический и функциональный. С точки зрения функционирования, несомненно, значение (интенция) задает тон высказыванию (а значит, значение более глубинно, чем форма), в то время как с точки зрения происхождения информации значение более поверхностно, поскольку содержит в себе информацию о чем-то внешнем по отношению к способу получения и оформления этой информации (о мире, о себе, о другом человеке, о предметной или коммуникативной ситуации). Это отношение в свое время было феноменологами названо интенциональностью. Форма же (или, точнее) формальная информация – это сведения о способе видения и понимания. А значит, в генетическом плане форма является глубинной, внутренней функцией. Подчеркивая невозможность существования одной информации без другой, Кант, тем не менее, предположил, что рассудок и разум не порождают информации о мире, но лишь оформляют данные внешнего опыта: «Рассудочные понятия мыслятся также а priori до опыта и для целей его, но они не содержат в себе ничего, кроме единства рефлексии о явлениях, поскольку они необходимо должны принадлежать к одному возможному эмпирическому сознанию»¹. Поэтому, когда я говорю о типах деятельности, нацеленных на содержательную сторону опыта, я имею в виду именно нацеленность на внешний опыт, в то время как деятельность, нацеленная на форму, в данной конвенции – это деятельность максимально внутренняя. Первый тип деятельности связан с функциями познания, овладения и преобразования, второй – с функциями переживания, взаимодействия и управления.

Здесь мы подходим к вопросу, который мне кажется крайне важным для функциональной эпистемологии (или, может быть, уместнее было бы употреблять термин «гносеология») и который обычно игнорируется большинством рассуждающих на тему прагматизма Джемса и трансцендентальной теории познания Канта. Что же это? Это придание статуса высокой значимости наряду с познавательной также и иным формам человеческой деятельности. «Критика чистого разума» – это не глобальная теория деятельности человека, а лишь очерк основ познавательной деятельности и только отчасти очерк основ осмысления мира (что далеко не одно и то же). Но ведь есть еще «Критика практического разума» – концепция общественно-этического опыта и «Критика способности суждения» – концепция эстетического переживания. Но итоговой работой Канта была изданная в 1798 «Антропология с прагматической точки зрения» – концепция целостного жизненного опыта человека, включающая кроме перечисленных, также анализ бытового и производительно-делового опыта. В любом случае функциональная

¹ И. Кант, *Критика чистого разума*, [в:] Сочинения в шести томах, М., 1964, т. 3, с. 347-348.

эпистемология (гносеология) может быть рассмотрена двояко. В узком смысле – как теория познания (тогда она оговаривает лишь основы научной деятельности) и в широком – как теория образования информации. Понимаемая таким образом эпистемология отвечает на вопрос: как возможно и каким образом, в каких видах деятельности происходит обретение человеком новых знаний, умений и навыков.

Центральным моментом такого понимания деятельности и становится предложенное выше понятие значимости (ценности, релевантности). Понятие ценности может быть рассмотрено в двух модусах: актуальном и потенциальном. Иначе говоря, некоторая функция может признаваться релевантной только для данного события или только для данной взаимозависимости, для данного типа деятельности, или же для опыта в целом. Если функция распространяет свою релевантность за пределы актуального события и становится значимой на инвариантном уровне, она обретает статус ценности. Значимость ценности зависит от того, какую роль она играет в достижении основных целей той или иной деятельности или же общих целей опыта. Отсюда – установление такой системы отношений между различными ценностями, которую обычно называют иерархией ценностей. Понятие иерархии ценностей – одно из ключевых в функциональном прагматизме, поскольку в основе этой концепции лежат идеи связности, целостности, целесообразности и целевой дифференцированности опыта.

Требуется разъяснений также сам способ нахождения ключевых понятий функционального прагматизма. Следует обратить внимание на то, что вычленение всех функций опыта, равно как и представление самого опыта как функции в данной методологии производится не аподиктически и аксиоматически, как это принято в традиционных индуктивных аналитиках, а функционально, т.е. путем деятельностного телеологического анализа, осуществляемого дедуктивным путем: от целого (опыта) через оценку целевых установок различных типов деятельности и системный анализ частных событий и взаимозависимостей к выявлению их структурных компонентов – связей и отношений. Подчеркиваю, что функционализму в равной степени чужды как статичный структурный анализ целостного объекта или синтез такого объекта из элементарных объектов, так и феноменологическая редукция, стремящаяся ко вскрытию т.н. объективной сущности объекта. От всех видов структурных методологий прагматический функционализм отличается невозможностью полноценной редукции одних понятий к другим, поскольку идея функциональной связанности изначально отвергает возможность существования простых (элементарных) понятий или объектов в собственном смысле этого слова. Если объект элементарен, он является элементом. Элемент только потому является элементом, что является частью какого-то множества, а следовательно без этого множества не был бы элементом и элементарным феноменом. Объектом же некий феномен может быть только в том случае, если на него направлена какая-то (чьей-то) деятельность. То же касается понятия. Существование понятия предполагает наличие понимающего. Следовательно как существование объекта, так и существование понятия предвидит наличие деятельности субъекта.

От феноменологии функционализм отличает все та же генеральная установка на связанность и отношение, в то время как в феноменологии предполагается наличие у объекта сути, трансцендентной его отношениям к другим объектам. В этом смысле не могу не согласиться с Д. Разеевым, определившим сущность кантовской философии как синтетической, в отличие от всех наиболее часто смешиваемых с кантианством трансцендентальных концепций – гегелевской (диалектической), гуссерлевской (эйдетической), шопенгауэровской и фихтеанской (аналитических)².

² Д.Н. Разеев, *Учение о феноменальности (феноменология) Канта*, [в:] *Метафизические исследования*. Выпуск 1. Понимание. Альманах Лаборатории Метафизических Исследований при Философском факультете СПбГУ, 1997, с. 38–74.

Г. Щедровицкий совершенно справедливо отмечал, что «всякий объект есть объект деятельности. Вообще, когда мы говорим „объект“, то это означает, что нечто принадлежит деятельности, именно деятельность очерчивает границы объекта. Сам по себе объект границ не имеет»³. Суть функциональной эпистемологии состоит в том, что всякий объект познания или осмысления (безотносительно к характеру его эссенциальной сущности или экзистенциальной феноменальности) выводится из понятия деятельности, которое в свою очередь выводится из более общего понятия опыта. Опыт же как взаимозависимость предметной и трансцендентальной деятельностей как эпистемологическая функция изначально синтетичен. Любые попытки расчленивать функциональный синтез опыта (т.е. любой аналитизм и редукционизм) или нивелировать его трансцендентальную разнородность (т.е. любая диалектика) равно неприемлемы для функционально-прагматической эпистемологии. Лишь синтез разумной, рассудочной и чувственной деятельности, а не чистый логический анализ, чистое чувственное созерцание или чистое интуитивное проникновение в суть, по мнению Канта, дают знание: «Синтез многообразного (будь оно дано эмпирически или a priori) порождает прежде всего знание, которое первоначально еще может быть грубым и неясным и потому нуждается в анализе; тем не менее именно синтез есть то, что, собственно, составляет из элементов знание и объединяет их в определенное содержание. Поэтому синтез есть первое, на что мы должны обратить внимание, если хотим судить о происхождении наших знаний»⁴.

Таким образом функционально-прагматическая эпистемология рассматривается здесь как часть общей теории опытной деятельности, касающаяся собственно познавательных ценностей, возникающих в ходе научного типа деятельности. Ближайшим, смежным с научным типом деятельности, образующим с ним широкое поле переходных занятий, но не идентичным ему, является философская деятельность. Главной ценностью этой опытной сферы является постижение смысла. Эта цель может кому-то показаться идентичной познанию истины, но это не так. Познание требует строгой аргументации и доказательств, построения последовательных и непротиворечивых концепций и теорий, постижение же смысла является в равной степени познанием, сколь и переживанием смысла. Мне неизвестно, существует ли отдельная методологическая сфера, исследующая способы постижения смысла, но на эту роль хорошо подошла бы гносеология (хотя, по мнению ряда методологов, гносеология охватывает более широкий круг вопросов, касающийся всякого возникновения знаний).

Третьей сферой опыта является искусство как переживание формы и эстетическое «самоочищение». Как и в предыдущем случае, можно говорить о смежности эстетической и философской деятельностей. Искусство – это в какой-то мере практически-интуитивное постижение смысла но только через переживание красоты формы эстетического предмета. Без него (переживания формы) постижение смысла лишается эстетической ценности, а значит, перестает быть художественной деятельностью. Теория искусства, как известно, – эстетика.

Четвертая сфера, смежная с художественно-эстетической – это сфера общественной жизни, политики, культурного взаимодействия, общественного сознания. Эмоциональное переживание формы здесь обретает новую ипостась – более практическую – взаимодействие людей в обществе и управление им. Изучением всех проявлений этого типа деятельности должна, по идее, заниматься широко понимаемая этика.

Пятая сфера, смежная теперь уже с научной, – это деловая жизнь, опыт преобразующей деятельности. Познание действительности здесь отходит на второй план, уступая место более практическому заданию – преобразованию мира и материальному

³ Г. П. Щедровицкий, Организация, руководство, управление. Лекция 3/
<http://oru2.narod.ru/book/03-lect3.htm>

⁴ И. Кант, *Критика чистого разума*, [в:] Сочинения в шести томах, М., 1964, т. 3, с. 85

обеспечению человека, созданию максимального количества полезных артефактов. Иногда это называют термином максимализация прибыли. Изучением методов осуществления этого типа деятельности могла бы праксеология или какая-нибудь другая, сходная ветвь методологии.

Наконец, шестой сферой, замыкающей условный круг опыта, является обыденная экзистенция человека, наш повседневный опыт выживания. Понятно, что это базисный тип деятельности, смежный как труду (деловой сфере), так и досугу (социально-этической сфере), имеющий, однако, свои специфические ценности и собственную структуру, исследовать которую должна не только онтология, но и отдельная методологическая дисциплина, что-то в роде философии жизни или экзистенциализма, но без их узких идеологических рамок и предвзятостей.

Как видим, познание – не единственная цель человеческой жизни, а эпистемология – не единственная методологическая дисциплина. Таковых я выделил здесь шесть, что совершенно не значит, что кто-то другой не сможет распределить существующие человеческие занятия по-иному. Это лишь первая проба типологизации опыта на функционально-прагматических методологических основаниях.